

УРОК 3

Тема: «Свободною душой закон боготворить».

Цель: дать представление о философских и политических воззрениях Пушкина.

Ход урока:

1. Исследование темы «свобода и революция».
 - а) Анализ стихотворений «Вольность», «К Чаадаеву», «Кинжал» в свете вопроса: Что ограничивает и что обеспечивает свободу человека?
 - б) прослушивание и обсуждение сообщения ученика «Пушкинское понимание свободы в стихотворении «Из Пиндемонти»
 - в) обобщающее слово учителя: отношение Пушкина к революции.
2. Исследование темы «духовная и материальная свобода»
 - а) Эвристическое задание: соответствуют ли строки «Без денег и свободы нет» («Разговор книгопродавца с поэтом») подлинным убеждениям Пушкина. Приводятся цитаты из писем и высказываний Пушкина: «Никогда не думал я упрекать себя в своей зависимости. Я должен был на тебе жениться, потому что всю жизнь был бы без тебя несчастлив. Но я не должен был вступать в службу и, что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной делает человека более нравственным. Зависимость, которую налагаем на себя из честолюбия или из нужды, унижает нас» (письмо жене от 8 июня 1834 г); «Я деньги мало люблю... но уважаю в них единственный способ благопристойной независимости» (письмо жене от 14 июля 1834 г).
 - б) Творческая работа.

Прочитайте стихотворение «Пора, мой друг, пора...» и сделайте его анализ опорной частью мини-сочинения на тему: «Зависимость и независимость в понимании Пушкина» (1 вариант); «Свобода и независимость – равнозначны ли эти понятия для Пушкина?» (2 вариант).

На дом: прочитать трагедию «Борис Годунов». Объяснить необычайно высокую оценку Пушкиным своего произведения.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ И МЕТОДИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

На этом уроке главная тема пушкинских личностных и поэтических исканий, тема свободы, получает новое освещение, рассматриваемая в двух важных для Пушкина аспектах: в соотношении с темой революции и в дифференциации духовной и материальной свободы.

1. Свобода и революция.

Трактовка темы революции в творчестве Пушкина для учителей старых поколений может быть затруднена стереотипом насаждавшегося в прежние годы представления о Пушкине как бескомпромиссном революционере, проводнике декабристских идей, едва ли не идеологе декабристов. Представление это, искажающее многоликий облик поэта

выпячиванием одной стороны в ущерб другим, игнорирующее его эволюцию, было в свое время создано благородным желанием «возвысить» Пушкина приданием ему статуса революционера, по чистой случайности не оказавшегося на Сенатской площади.

«Революционность» Пушкина часто выводили из приятельских отношений поэта со многими российскими либералами (А.И.Тургенев, В.Ф.Раевский, К.Ф.Рылеев, П.И.Пестель, М.Ф.Орлов, С.Г.Волконский и т.д.). Но не менее тесные отношения сложились у Пушкина с людьми весьма консервативных воззрений, начиная с В.А.Жуковского. Свободолюбивые высказывания лейтмотивом проходят через жизнь и творчество Пушкина. Но пушкинское воспевание свободы («Хочу воспеть свободу миру» - «Вольность») не сопровождается свойственными, например, декабристской поэзии, призывами к революционным действиям для ее достижения.

Важно, чтобы наши дети поняли то, что понял и чем жил Пушкин, главную свою задачу видевший в пробуждении добрых, а не злых чувств. Насильственное действие для человека подлинно духовного неприемлемо даже в том случае, если речь идет о защите высших ценностей – Свободе, Истине, Красоте. Идеальное не может достигаться неидеальными средствами. Жизнь порой вынуждает прибегать к недуховным способам воздействия, но воспеть их поэтически могут только люди с несовершенными нравственными ориентациями, искаженно представляющими себе задачи поэзии. Чуткость Пушкина к Красоте и Добру в их неразрывном единстве уникальна. Не случайно Гоголь видел в Пушкине русского человека, каким он, может быть, явится через 200 лет развития.

В кинжале («Кинжал» 1821) Пушкин видит последнее средство, когда все другие исчерпаны. «Карающий кинжал» для него – «Последний судия позора и обид». Сознание возможности ответного насилия сдерживает агрессивность «преступной силы» («Грозь бедой преступной силе»). В людях, прибегающих к оружию, Пушкин видит «избранников роковых», исполняющих не столько свою, сколько некую высшую волю («вышний суд»). Но это «избранничество» отверженное, обреченное на смерть, утрату личности, имени собственного в человеке, на могиле которого «Горит без надписи кинжал».

Строки в «Вольности» - «Восстаньте, падшие рабы» - следует понимать не в смысле революционного воззвания, а как обращение к тем, кто в угнетении утратил достоинство, смирился со своим унижением - «пал» и должен обрести сознание своей человеческой ценности, определяемой не внешним положением, а духовным самосознанием личности, способностью восстать из падших. Ср. в стихотворении «Во глубине сибирских руд...» освобождение декабристов видится в картине дошедших «сквозь мрачные затворы» «любви и дружества». В пушкинском видении, «братья меч вам отдадут» после того, как «темницы рухнут». Очевидно, что уничтожение темниц и самовластья их связывается в сознании поэта с активной разрушительной деятельностью масс. А «меч» воспринимается не как оружие, а как символ чести.

Обретение свободы для юного Пушкина – следствие законодательной, а не революционной деятельности. В стихотворении, названном «Вольность», вольность неотрывна от закона («Крепко с Вольностью святой Законов мощных сочетанье»), и именно слабость закона («Законов гибельный позор») влечет за собой утрату вольности («Неволи немощные слезы»). Как преступление против закона трактуется и деспотизм властителей и революционные выступления народа: «И горе, горе племенам, Где дремлет он неосторожно, Где иль народу, иль царям Законом властвовать возможно».

Зрелый Пушкин не питает иллюзий насчет того, что законодательная деятельность решит все проблемы. Нет совершенных и все предусматривающих законов, а если бы и были, то исполнять их пришлось бы несовершенным людям. Такова тема пьесы «Анджело» (18345), ставящей под сомнение надежность воспетой в «Вольности» идеала законности. В «Анджело» Пушкин уже не призывает «под сень надежную закона». Не в законе, а в милосердии видит он единственную надежду на торжество добра в человеческом мире. Именно «милостью к падшим», сочувствием к судьбе Гринева и

Маши объединяются в «Капитанской дочке» бунтовщик, восстающий против законной власти, и царица, не по закону, а по сердцу выносящая решение судебному делу Гринева.

Учащиеся в соответствии со своим возрастом, как правило, понимают свободу как величину отрицательную, отсутствие препятствий. Именно в таком аспекте видится свобода и романтикам, воссоздающим в своем творчестве психологию юности. В романтическом мироощущении свобода отождествляется со своеволием, своеобразием, возможностью беспрепятственно или не взирая на препятствия делать все, что захочется. Таковы образы пушкинских романтических произведений: Наполеон, Байрон, океан, гроза. Свобода как стихия, безудержная, неукротимая, самовластная, не знающая границ, символически воплощается в образе моря («К морю» 1824). Мятежность, бунтарский дух романтизма выражается прежде всего в непризнании пределов для собственных страстей и желаний. Романтические притязания усовершенствовать мир высоки, искренни и чисты. Но в наивном эгоизме юности романтики отождествляют благо мира со своим собственным, за своими интересами не различают чужие, утверждая свои права и свою правоту, не склонны замечать права и правоту людей, занимающих иную позицию. Юношеский кругозор в отношении «я» и «не я» ограничивается пониманием точки зрения «я». Потребность вникнуть в чужеродную позицию, которая априори объявляется примитивной или низкой, не возникает. Страдая от непонимания окружающих (ср. юная Татьяна романтически жалуется Онегину: «Меня никто не понимает»), романтическая личность саму себя обязанностью понимания не обременяет, замыкаясь в своем внутреннем мире. Как следствие, барьеры непонимания и отчуждения между личностью и внешним миром оказываются непреодолимыми. Соответственно свобода воспринимается романтиками как независимость от внешнего, от обстоятельств, людей.. В романтическом восприятии свобода противопоставлена необходимости, будь то общественные установления, правовые законы или нормы морали, гражданский долг или даже личная ответственность за свои поступки. В крайнем своем проявлении романтическое понимание свободы тождественно личностному произволу, влекущему за собой антиобщественные разрушительные последствия. Так романтический максимализм в стремлении к идеалу способен привести к оправданию порока, созданию высокого героического ореола вокруг преступления.

Учитель литературы обязан предусматривать привлекательность романтических установок как в высшем, так и в низшем их проявлении для формирования личностей своих питомцев. Казалось бы, сугубо книжная проблематика может обрести и обретала, как в пушкинские времена, так и в наши, порой роковую жизненную актуализацию для молодых людей, отдающихся «свободной стихии» собственных природных инстинктов или имитирующим бурные страсти книжного образца. Речь идет вовсе не о том, чтобы на корню пресечь юношеские порывы, обеспечивая достопочтенное поведение, но и лишая юность поэзии ее возраста, дающей поэтический заряд на всю жизнь. Как мудро написал юный Пушкин,

Все чередой идет определенной,
Всему пора, всему свой миг;
Смешон и ветреный старик,
Смешон и юноша степенный

(«К Каверину», 1817).

Пушкин понимал, что «ум высокий можно скрыть Безумной шалости под легким покрывалом» (там же). Не будем забывать об этом и мы, коллеги. Но Пушкин же, критически осмысливая книжный опыт романтизма и свой личный жизненный опыт, нашел и самое уязвимое место в романтических вольнолюбивых декларациях. Романтики жаждут свободы от внешнего, допуская собственный произвол по отношению ко всему, что «не я». Но признать право окружающих на такой же произвол романтики не согласны. Жизнедеятельность оценивается по иным критериям, чем жизнедеятельность «не я». От «не я» требуется то, что не предусматривается для «я»: уважение к границам чужой

личности. Пушкинский Алеко «для себя лишь» хочет воли. Когда же Земфира вдруг обнаруживает, что ей «душно» с ним, что ее «сердце воли просит», «свободолюбивый» герой заявляет о своих правах («Я не споря от прав моих не откажусь»), становясь тюремщиком и палачом для любимой женщины. В судьбе Наполеона, в истории французской революции (см., например, «А.Шень» 1825) Пушкин прослеживает печальную закономерность: питомцы свободы становятся ее душителями, те, кто боролся против тирании, на обломках деспотического строя создают новый. В пушкинском изображении те, кто понимают свободу как независимость от внешнего, будь то традиционный романтический персонаж или общественный деятель, обречены на вечную несвободу, сменяя одни цепи на другие. Если Пушкин-романтик ищет свободы от неприемлемых условий, обстоятельств или людей, то пересмотр романтических представлений начинается с осознания того, что человек, живущий внешним, не может быть свободен от него. Пушкин-реалист не мечтает об абсолютной свободе, а стремится лишь определить границы личностного своеволия и учесть те виды зависимости, без которых невозможно обойтись, живя в реальном мире и реальными интересами.

2. Духовная и материальная свобода.

«Лета к суровой прозе клонят»- шуточно комментирует Пушкин в «Евгении Онегине» то воздействие, которое оказывается возрастом. Зрелость сопрягается у Пушкина не с отказом от юношеских поэтических мечтаний и вольнолюбивых стремлений, а с разграничением поэтической и материальной сфер существования. В «Разговоре книгопродавца с поэтом» поэт соглашается с формулой своего прозаического оппонента: «Не продается вдохновенье, но можно рукопись продать». Стихотворение завершается тремя короткими, лишенными ритма и рифмы фразами делового человека, готового обсуждать условия продажи своего товара: «Вы совершенно правы. Вот вам моя рукопись. Условимся». Пушкинский поэт не перестает быть поэтом оттого, что разговаривает с книгопродавцами на их языке. Каждая из сфер человеческого существования имеет свой язык, свои правила, нормы, законы, привычки. Человек вправе выбрать: оставаться ли строго в пределах того единственного, что он считает истинным и ценным для себя, или, вступая в мирные, подчиняться принятым в них установлениям. Беспредельно свободна личность лишь в царстве духа. На духовном уровне ничто и никто не может поработить человека, кроме самого себя, «предрассудков любимой мысли», по выражению Пушкина. Чем ближе к материальному, тем больше зависимость от различных факторов: чужды, тщеславия, семейных обязанностей, славы, вынуждающим человека приспособиваться, отказываться от любимого или соглашаться с недостойным. На житейском уровне существования, действительно, «Без денег и свободы нет». В царстве духа можно позволить себе сказать, как Пушкин в одном из своих стихотворений: «Ты царь: жди один. Дорогою свободной Иди, куда влечет тебя свободный ум» («Поэту» 1830). Или как один из декабристов, ожидающий приговора суда: «Я и в цепях буду вечно свободным». В духовной свободе Пушкин видит некую положительную силу, творческий потенциал личности, не зависящий ни от каких внешних факторов, социальных условий, материальных обстоятельств, общественного мнения. Но зато духовная свобода зависит от уровня личности, готовой или не готовой к созидательной творческой деятельности, самоценной и самодостаточной, не требующей наград, независимой от внешнего поощрения или порицания, находящей удовлетворение в совершенстве своих творений («Усовершенствуя плоды любимых дум, Не требуя наград за подвиг благородный. Они в самом тебе» - «Поэту»).